

УДК 821.511.131.09

DOI: 10.30624/2220-4156-2025-15-4-665-673

Репрезентация религиозно-мифологической картины мира удмуртов в поэзии В. Владыкина

А. В. Камитова

*Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация,
akamitova@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Владимир Владыкин – известный учёный-этнограф Удмуртской Республики, чьё имя широко известно и в международном научном сообществе. В удмуртской словесности особое место занимает его поэтическое творчество. Для литературной деятельности он выбрал этнически выразительный псевдоним Омель Лади. В. Владыкин владеет многими языками, а стихотворения создаёт на удмуртском и русском. На сегодняшний день опубликованы два его поэтических сборника: «Марлы кырза тюрагай» («Отчего поёт тюрагай», 1980) и «Калыкын верало» («В народе говорят», 1998). Оба издания являются презентацией билингвального творчества автора. Стихотворения, а также прозаические сочинения, в них представлены на удмуртском языке с параллельной подачей их вариантов на русском. Такая форма трансляции текстов отчётливо передаёт особенность поэтики литературного билингвизма В. Владыкина, раскрывает специфику передачи иноэтнического контекста в русскоязычных стихотворениях, в частности – мифопоэтическую образность и религиозно-мифологическую картину мира.

Цель: выявить особенности проявления национальной картины мира в русскоязычной лирике В. Владыкина, сопряжённой с глубоким пластом архаических смыслов родной (удмуртской) культуры.

Материалы исследования: стихотворения удмуртского поэта В. Владыкина.

Результаты и научная новизна. Актуальность и научная новизна статьи определяется недостаточной изученностью поэтического творчества В. Владыкина и впервые проводимом развёрнутом аналитическом прочтении его русской поэзии с точки зрения обыгранных в ней религиозно-мифологических образов, связанных с удмуртской культурой. В результате исследования было выявлено, что автор в своих стихах воссоздал древнейшие архетипические воззрения своего народа, сохранившиеся в притчах и преданиях, передал глубокий смысл фольклорно-этнографических сведений, обращаясь к цветовой символике и ключевым этническим компонентам удмуртской мифологии. Подобные сведения позволят расширить в сознании русскоязычного читателя представления об этнической картине мира писателя.

Ключевые слова: мифопоэтическая образность, этническая картина мира, национальная культура, удмуртская поэзия

Для цитирования: Камитова А. В. Репрезентация религиозно-мифологической картины мира удмуртов в поэзии В. Владыкина // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 4 (63). С. 665–673.

Representation of the religious and mythological picture of the world of the Udmurts in the poetry of V. Vladykin

A. V. Kamitova

*Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
akamitova@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: Vladimir Vladykin is an outstanding researcher and ethnographer from the Udmurt Republic, whose works have received recognition in the scientific community both in Russia and abroad. His poetic legacy occupies a special place in Udmurt literature. For his literary activity, he chose the pseudonym Omel Ladi, which reflects his ethnicity.

Vladykin speaks several languages, but prefers to write poetry in Udmurt and Russian. To date, two of his books have been published: “Marly Kirja Tyuragai” (“Why Does the Tyuragai Sing”, 1980) and “Kalykyn Veralo” (“The People Say”, 1998). Both editions are examples of the author’s bilingual creativity.

In these books, poems and prose works are presented in Udmurt with parallel translations into Russian. This form of text presentation vividly demonstrates the features of the poetics of Vladykin’s literary bilingualism and reveals the specifics of the transmission of a foreign language context in his Russian-language poems, in particular, mythopoeic imagery.

Objective: to reveal the peculiarities of the national picture of the world in Russian-language lyrics by V. Vladykin, associated with a deep layer of archaic meanings of the native (Udmurt) culture.

Research materials: poems by the Udmurt poet V. Vladykin.

Results and novelty of the research: the relevance and scientific novelty of the article is determined by the insufficient study of V. Vladykin’s poetic work and the first detailed analytical reading of his Russian poetry from the point of view of the religious and mythological images associated with Udmurt culture played out in it. As a result of the research, it was revealed that the author in his poems recreated the most

ancient archetypal views of his people, preserved in parables and legends, conveyed a deep meaning of folklore and ethnographic information, referring to the color symbols and key ethnic components of Udmurt mythology. Such information will help expand the Russian-speaking reader's understanding of the writer's ethnic worldview.

Key words: mythopoetic imagery, ethnic picture of the worldview, national culture, Udmurt poetry

For citation: Kamitova A. V. Representation of the religious and mythological picture of the world of the Udmurts in the poetry of V. Vladykin // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2025; 15 (4/63): 665–673.

Введение

Владимир Владыкин – доктор исторических наук, профессор, почётный член нескольких зарубежных научных и литературных обществ, автор порядка 20 книг (монографий, учебных пособий и др.) и множества научных статей. Он принадлежит к числу авторитетных исследователей в области этнографии удмуртского народа. «Его научные труды <...> стали одной из ключевых составляющих национальной гуманитарной науки» [2, 5]; в них заложены обширнейшие знания об истории, этногенезе удмуртов, их религии, культуре и быте.

Работы В. Е. Владыкина являются примером высококачественного аналитического освещения различных вопросов этнокультуры удмуртского народа, обращённого к мировым научным стандартам, эталоном многопланового, оригинального и грамотно выверенного стиля изложения материала, который был сформирован у него во время учёбы в МГУ им. М. В. Ломоносова, где он посещал лекции выдающихся учёных. В то же время слог его научных изложений глубокого поэтичен. К примеру, одну из книг – «Мон: о себе и других, о народах и Человеках, и...», входящих в серию изданий, подготовленных им к личным юбилеям, – ввиду необычного формата была названа «научной прозой» [9, 4]. Своё глубокое понимание и тонкое ощущение природы языка сам В. Владыкин определил состоянием «эссеистической» души [11, 81]. По признанию учёного, его «естественное состояние в тексте – эссе», в котором он может «реализовать себя более или менее оптимально», «отыскать элементы поэтического отношения к слову», при этом являясь «свободным от привязанности к форме, к рифме» [11, 80]. Будучи учёным и в то же время поэтом в душе, В. Е. Владыкин создаёт самобытные стихотворения. В истории многих литератур есть такие уникальные личности, которым судьба уготовила возможность проявить себя в разных областях: одновременно быть учёными и создавать художественные и поэтические произведения. Относительно удмуртской литературы можно назвать такие имена, как Кузубай Герд, Г. Верещагин, М. Агаманов, В. Ванюшев и др., в литературе поволжских народов: М. Фёдоров, В. Родионов, Н. Егоров и др. – у чувашей; В. Юксерн, А. Асылбаев (Асаев), С. Ибатов (Эман) и др. – у марийцев; Г. Меркушкин, В. Брыжинский,

А. Брыжинский. В. Дёмин, А. Шаронов и др. – у мордвы; Каюм Насыри, Р. Салахов, Э. Хадиева и др. – у татар.

На формирование В. Владыкина как поэта большое влияние оказала семья, где все – братья, родители и бабушка – любили петь. Его литературный дебют начался в 1950-х гг. с детских рассказов и стихов, которые были опубликованы в районных газетах. Большая часть из них была написана им во время учёбы в Можгинском педагогическом училище. Известный поэт Самуил Маршак узрел в ранних рассказах В. Владыкина стиль маленьких рассказов Толстого и Ушинского [10, 235; 237]. Удмуртский автор поделился своим творчеством с классиком русской литературы С. Маршаком в личной переписке.

Любовь к литературе и поэтическому слову была привита В. Владыкину преподавателями Можгинского педагогического училища. «В обстановке всеобщей литературной эпидемии я тоже не устоял и заболел литературой», – объясняет он своё увлечение писательством в «можгинский» период своей жизни [10, 234]. В годы студенчества в Москве и работы в Ижевске В. Владыкин продолжал писать, увлёкся стихами. В Москве состоялось личное знакомство с Самуилом Маршаком, а также он познакомился и с другими выдающимися личностями – Александром Твардовским и Георгием Свиридовым, которые сыграли существенную роль в раскрытии его литературного таланта.

Материалы и методы

Научную и творческую биографию В. Владыкина составляют десятки книг, среди которых важное место занимают поэтические сборники «Марлы кырза тюрагай» («Отчего поёт тюрагай», 1980) и «Калыкын верало» («В народе говорят», 1998). Оба издания – яркий пример билингвального творчества автора. Стихотворения и прозаические произведения в них представлены на удмуртском языке с параллельными вариантами на русском языке. Такая форма представления текстов позволяет в полной мере передать особенности поэтики литературного билингвизма В. Владыкина, раскрывает специфику русскоязычных стихотворений, основанных на иноэтнической мифопоэтической образности. Стихотворения, созданные удмуртским поэтом на русском языке и опубликованные в вышеназванных

поэтических сборниках, послужили материалом исследования.

Используемый метод мотивно-образного исследования и композиционный аспект анализа литературного произведения позволил рассмотреть корпус русскоязычных поэтических произведений В. Владыкина с точки зрения особенности воплощения в них мифопоэтических конструкций, семантически связанных с широким комплексом архаических, фольклорно-мифологических представлений.

Результаты

На сегодняшний день изучение различных аспектов мифопоэтического в литературе, а также в искусстве в целом находится в зоне особого интереса исследователей. Это подтверждается проведением многочисленных конференций и появлением большого числа публикаций, связанных с данной проблематикой [см., например: 6; 14; 15; 21]. Внимание представленной статьи сосредоточено на вопросах специфики отражения религиозно-мифологической картины мира своего народа в русской поэзии В. Владыкина, которые перенесены им из стихотворений, написанных на удмуртском языке.

Билингвальная поэзия Владимира Владыкина открывает читателю этноуникальную картину мира, сопряжённую с глубоким пластом архаических смыслов; является отражением мировидения не только самого поэта, но всего удмуртского народа, его ментальной природы. Сам В. Владыкин определяет своё творчество следующим образом: «Всё, что уважаемый читатель найдёт ниже этих строк, услышано и понято в народе. Я лишь записал эти слова и придал им некоторую форму» [9, 9].

Исследователь А. Шкляев отметил, что тексты, составившие первую книгу В. Владыкина «Марлы кырза тюрагай» («Отчего поёт тюрагай», 1980), – «это не только и не столько переводы с одного языка на другой», сколько «варианты одной и той же темы на двух языках» [24, 8]. Действительно, анализ стихотворений позволяет говорить о том, что одни тексты являются практически дословным переложением, другие представляют собой модифицированный вариант с сохранением смысловой доминанты оригинала, третьи – совершенно новой вариацией. Данная проблема нуждается в отдельном исследовании.

Следует обратить внимание и на то, что некоторые стихотворения В. Владыкина сначала были написаны на удмуртском языке, другие – на

русском [24, 8], т. е., в одних случаях изначально текст на русском языке может считаться оригиналом по отношению к тексту на удмуртском, и – наоборот. Одни стихотворения В. Владыкина похожи на фразеологизмы и метафоры, другие – созвучны с японской поэзией и «напоминают о японских хайку» [10, 4], четырёхстрочные «рубай» [1, 445]. В их основе лежат ретроспективные сюжеты, уводящие к культурным истокам, а также транслируются морально-нравственные, поведенческие и духовные кодексы. В его поэзии потаена вековая мудрость, которая сродни удмуртским пословицам и поговоркам. Сложная система мироощущения и миропонимания человека выражается в поэзии В. Владыкина не менее сложным поэтическим языком. Разрабатываемые им формы белого и свободного стихов генетически соотносимы с фольклорными традициями. В ряде случаев используемая поэтом особая ритмика задаёт текстам эпическую интонацию.

Стихотворения, вошедшие в сборники «Марлы кырза тюрагай» и «Калыкын верало», в основном были написаны В. Владыкиным в 1970–1980-е гг. – в то время, когда автор параллельно создавал свой научный труд «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов». Это одно из объяснений того, что фольклор и мифология удмуртов явились основополагающим инструментом моделирования его поэтической картины мира. Непосредственно через эту грань в его текстах, написанных на русском языке, явно ощущается присутствие удмуртского поэта-билингва.

Свой путь в поэзию В. Владыкин начал с написания притч, базирующихся на древнейших архетипических и культурных кодах. К примеру, в одном из притчеобразных стихотворений прослеживается мифопоэтический подтекст о душе-бабочке. Такое поверье ещё в конце XIX в. было записано Б. Мункачи, а также зафиксировано в песне Ю. Вихманном:

Korka bugelē-papa pēriz-kā: ta bugelē-papa kulām-murtlän lulež [28, 29] ‘Если в избу залетит бабочка, [то] эта бабочка – душа покойника’; *viuamī dišam pašiosmī, / kō-ña kuenze um to-ške. / bugil’i ka-ik huu l’osmī, / kī-tsi bid’memmes um to-ške.* [30, 57] ‘Надетая на нас шуба / Из скольких овечьих шкур [счита], не ведаем. / Души наши похожи на бабочек, / Где мы пропадём, не ведаем’.

В. Владыкин очень тонко демонстрирует русскоязычному читателю глубокий этнографический смысл: удмурты считали, что душа умершего могла превратиться в ночную бабочку¹;

¹ «Подобные воззрения существовали у многих финно-угорских народов и охватывали даже более широкий ареал этносов (Сибирь, Средняя Азия)» [8, 155].

и философское размышление о скоротечности нашего земного существования и возможности продолжения его в ином мире, в другой материальной ипостаси: *Вашкала чыжсы-выжсыосмы мыным / Адымилэн лулыз вань шуыса оско вылэм. / Адым ачиз кулэ ке, / Лулыз, пе уй бубылилы луыса улыны кыле, / Съод пеймытэ лобе* [7, 52] ‘Мои далёкие предки верили, / Что у человека есть душа, / Которая после смерти / Превращается в ночную бабочку’.

Определённые этнографические знания заложены в стихотворении «Священная книга» («Вашкала книга»). В тексте воспроизведена эпическая реальность, которую поэт приоткрывает современному читателю. И отсылает к преданиям об имевшейся некогда у удмуртов священной книге, «в которой были записаны порядок мироздания, главные постулаты веры» [12, 252]. Несколько вариантов таких рассказов были ещё зафиксированы в трудах исследователей XIX в. [13; 17], которые в последующем легли в основу сюжета эпоса М. Г. Худякова [23, 107–108]. В качестве примера приведём отрывок записи Н. Г. Первухина: «Въ старинные годы всѣ вотяки жили въ одной мѣстности, при чемъ старикъ отъ старика научился и богамъ молиться, и суды судить. <...> Тогда на кэнешѣ постановили люди: для того, чтобы не забыть порядокъ молитвъ и судопроизводства, записать эти порядки въ книгу и сохранить книгу на вѣчныя времена, позволяя желающимъ по ней учиться. И сдѣлали они книгу, употребивъ вмѣсто бумаги бересту и записавъ на берестяныхъ листахъ тамгами, какъ надо богамъ молиться и судъ чинить надъ людьми. Положили они эту книгу на высококомъ бѣломъ камнѣ и поселили подлѣ этого камня старика-жреца, чтобы онъ стерегѣ книгу» [20, 14].

Стихотворение В. Владыкина начинается со слов «давным-давно» – стандартной фразы, обычно используемой в сказовых повествованиях о прошлых событиях. Время далёкого прошлого, которое никто не помнит (или не знает), воспроизводится поэтом посредством образов, которые вызывают аналогии с эпическо-мифическим бытием (*большой белый камень, дремучий лес, великаны кедры*). Также использование глагола «говорят» сближает текст с эпическим произведением и в контексте данного стихотворения играет роль культурного маркера, который территориально определяет принадлежность самого автора к северным удмуртам, в музыкальной традиции которых замечена «регулярность, даже переизбыточность» употребления данной лексемы [22, 9].

Данное стихотворение демонстрирует, что в поэтическом сознании В. Владыкина не подорваны эпические связи; выстраивается попытка диалога прошлого с современностью, когда «священная книга с заветными словами» ждёт своего перевоплощения в виде «новой, необыкновенной душевной книги с заветными, сокровенными словами»: *Со книга кылле вылэм бадžым тӧдды из пулсын, / со из кылле вылэм тӧддысь бадžым узы вӧльын, / нош со вӧльы вылэм кӧшкемыт пеймыт нӧлэс пушкын. / Кемалась со вылэм* [7, 104] ‘Книга та лежала на большом белом камне, / камень тот лежал на большой земляничной поляне, / а поляна та была в огромном дремучем лесу. / Говорят, давно это было’ [7, 105].

Символична в сюжете и семантика цвета, переданная через образные ассоциации. Это характерные для удмуртского народа цвета: белый (*белый камень*), красный (*земляничная поляна*), чёрный (*дремучий лес*), имеющие в обрядовой символике высокое сакральное значение. Три великих цвета представлены и на флаге Удмуртской Республики. Акцент на этническом компоненте через цвета передаётся и в стихотворении «Дуннеын вань куинь буёл» («Есть три великих цвета»): *Дуннеын вань куинь буёл: / Съод, тӧдды но горд. / Вань калыкы тодмо соос: / Горд, тӧдды но съод. / Шунды – горд, / Музьем – съод, / Ваньмыз со – тӧдды югыт дунне* [7, 28] ‘Есть три великих цвета: / Красный, чёрный, белый. / Солнце красное, / Земля чёрная, / И всё это – белый свет. Божественные три цвета: / Белый, красный, чёрный. / Символ света и чистоты, / Символ страха и темноты, / Символ радости и красоты’ [7, 29].

Глубинный мифологический и сакральный контекст прочитывается в стихотворении «Юсьёс-адымиос» («Люди-лебеди»). Вынесенный в название образ, в котором человек уподоблен птице, соотносим с древнейшими архетипическими воззрениями о почитании отдельных птиц (в т. ч. лебедя) как тотемов рода¹, с первозданными представлениями о нераздельном существовании человека и животного. Сюжет стихотворения проецирует некогда проводившийся у удмуртов особый «праздник лебедей»²: «удмурты <...> ежегодно отлавливали пару лебедей, оказывали им большие почести, кланялись в землю, а потом по окончании моления отпускали их, чтобы они по Каме доплыли до великого Инмара» [8, 133]. Так и научные познания В. Владыкина перерождаются в поэзию. Автор воссоздаёт картину сакрального хронотопа с образами священной птицы – лебедя, священной реки – Белой Камы,

¹ Это прослеживается в воршудных названиях родов удмуртов: Юсь (Лебедь), Докья (Глухарь), Юбера (Дрозд), Какся (Цапля), Куака (Ворона) и др. [3, 41–42].

² Термин Н. Афанасьева. Более подробно об этом празднике см: [5; 16].

Верховного божества – Великого Инмара. Мир, изображаемый поэтом, обращён к забытой древней старине, ныне неизвестной современному читателю. В этом, на наш взгляд, проявлено стремление В. Владыкина к сбережению национального через поэтическое слово. Поэт разрабатывает стратегию реконструкции культурной памяти и сохранения первозданной традиции. При этом поэт, являясь обладателем этих знаний, возвращает читателя через свой текст в этот воссозданный мир прошлого.

Глубокий религиозно-мифологический и образно-понятийный пласт заложен в стихотворении «Напев Быд́зым Крезь» («Быд́зым Крезьлэн гурез»). В нём сконцентрированы эпизоды из разных преданий и фольклорно-этнографических сведений, что создаёт ощущение эпического произведения. В него включены понятия – собственные имена, составляющие ядро мифологических воззрений удмуртского народа, создающие представление о природном (лесном) ландшафте и удмуртской традиционной ментальности (*Инву утчан гур – Песня поисков небесной росы, напев Быд́зым крезь, Великий Лес* и др.). К примеру, *Мудор Кыз – Мать Леса* – образ, связанный с преданием о «Ели, растущей в центре Земли, подпирающей небо» [8, 122]. Гидротермин *Тодды Кам – Белая Кама* употреблён В. Владыкиным в том, значении, которое использовалось в поэтическом фольклоре удмуртов – как «Священная Большая река», «мифологическая река» [16, 48]. Многочисленные поэтические примеры с использованием этого образа, зафиксированные исследователями в XIX–XX вв. [13, 11, 29; 27, 79; 29, 337, 338; 30, 3, 33, 37;], обнаруживаются и современных записях учёных [4, 83, 96, 107; 17, 118, 120, 130;]. Вошедший в поэтическую канву мотив напева священной мелодии, исполняемой на гусях (*Быд́зым Крезьлэн гурез – Напев Быд́зым Крезь*), мог быть заимствованным В. Владыкиным из этнографических источников [26], о которых он писал в своей монографии [8, 16]. Также автор опозитивировал фольклорный сюжет о создании музыкального инструмента *крезь* (*Быд́зым Крезь – Великие Гусли*) из поражённой молнией ели, что являлось знаком, поданным высшими силами (молния как знак свыше): *Нюлэскын куке но улэм, будэм пересь мудроно кыз. / Нимало со вылэм Мудор Кыз. <...> / Со Мудор Кыз выжы улысь вордске вылэм жильыр-жильыр пичи ошмес, / кудйз быд́зым Тодды Камез кылдытэ вылэм. <...> / Верало, нош огдыре Шундылэн Сюрмуниз – лек Чилекъян – кышкыт / тылэн чайшем со кызээ. Кыз кулэм. Нош Адями лыктэм но улзытэм сое: / сутскем кызлэсь лэсьтэм со крезь <...> / Озы удмуртьёс доры вуэм Быд́зым Крезь. <...> / Нош со дырысен*

удмуртьёс лысьтыны кутскиллям / крезьёссэс чайшем кызьёслэсь. / Али вунэтэмын ни со сям. Крезьёс но вунэтэмын. / Нош Быд́зым Крезьлэн гурез улэ! / Кылэмды ке потэ сое, мынэлэ Быд́зым Нюлэсэ но сак кылзиське [7, 136–138] ‘В лесу жила когда-то старая мудрая ель. / Звали её Мудор Кыз – Мать леса. <...> / Из-под её корней нарождался робкий родник, / Чтоб потом превратиться в могучую Белую Каму. <...> / Говорят, однажды мачеха Солнца, Злая Молния, страшным огнём опалила Мудор Кыз. / Ель умерла. / Но пришёл Человек и оживил её: / Он сделал из неё Гусли – Крезь <...> / Так у удмуртов появились Быд́зым Крезь – Великие Гусли. <...> / Но с той поры / удмурты стали делать свои гусли / из опалённой молнией ели. / Теперь уже позабыли про это. / И про гусли уже позабыли. / Но Напев Быд́зым Крезь живёт! / Если вы хотите его услышать, идите в Великий Лес / и прислушайтесь к нему и к себе’ [7, 137–139]

Особенность картины мира русскоязычной поэзии В. Владыкина заключена и в использовании в текстах лексики родного языка, благодаря которым воссоздаются образы этнической культуры и глубинные символические, ментальные и мировоззренческие пласты удмуртского народа. Тем самым на уровне слова В. Владыкин утверждает себя как удмуртского поэта, отмечая свою генетическую связь с народом. При этом он выбирает ключевые этнические компоненты из удмуртской мифологии. Например, *италмас* (купальница) активизирует в памяти читателя знаменитую легенду об Италмасае, поэтически воспроизведённую М. Петровым сквозь призму этимологического мифа в одноименной поэме, где «девушка, на глазах которой роковым образом погибает её возлюбленный, превращается в цветок италмас» [25, 174]. Этот образ является символом любви, красоты, верности, и, шире – «национальным цветком Удмуртии» – при определении символики удмуртского флага цветок был предложен в качестве одного из возможных условных знаков, олицетворяющих нашу Республику. В стихотворении В. Владыкина он расположен в соответствующем ассоциативном ряду:

Гажанэ тон мынам, гажанэ, / Тон эн куарет монэ, гажанэ, / Мон ой вайы тыныд италмас <...> [7, 44] ‘Ты прости меня, милая, / Италмас я тебе не принёс, / Пусть цветёт у себя на лугу. / А тебя я туда приведу, / Ты пойми меня, милая!..’ [7, 45].

Этнически маркированная лексема представлена в другом стихотворении – «Отчего поёт тюрагай» («Марлы кырза тюрагай»). Удмуртское слово «*тюрагай*» (жаворонок) использовано поэтом как средство средоточия определённых фоновых культурных знаний. Как известно, «образы

птиц с древних времён занимали важное место в религиозно-мифологической и языковой картине мира удмуртов» [18, 42]. В образе жаворонка (*тюрагай*) В. Владыкин сохранил его амбивалентную природу: с одной стороны – это певчая птица, возвещающая начало новой жизни и весны, с другой – исполненная безмерной печали. В стихотворении поэт реконструирует и скрытые смыслы и представления о ней:

– звукоподражательное название птицы, присвоенное за счёт её характерного голоса, обыгрывается повторяющимися гласными и согласными, словно передавая её пение «*тюр-тюр*»;

– представление о птице – предвестнице весны с «печальным» голосом интертекстуально перекликается с календарно-обрядовыми песнями;

– заложены мифологические суждения о птице, символизирующей природные ритмы:

Тюрагай тулыс кырза быдзым шумпотонэз ванен. / Нош кин ке но вераз вал мыным: / Тюрагай, пе, инмын бёрдэ / Чидантэм кайгуэзлэсь но куректонэзлэсь [7, 112] ‘Говорят, тюрагай – жаворонок – поёт по весне от радости, / Но кто-то мне сказал, / Что тюрагай трепещет в вышине / От нестерпимой тоски и печали <...>’ [7, 113].

В некоторых случаях удмуртская лексема в русскоязычном тексте служит для автора своеобразной платформой для реставрации потаённых смыслов и разнообразных научных трактовок, вращающихся вокруг её этимологии. Примером тому является стихотворение «Воршуд», в котором автор тонко воспроизводит широкий смысловой контекст удмуртского слова. Поэтически переосмысленное понятие «*Воршуд*» (‘дух родового предка-покровителя’) с привлечением комплекса представлений, связанных с анализируемым понятием, и ряда других этнокультурных образов (*Быдзым Куа – Великое родовое святилище, Птица счастья, Инмар*) – яркий пример стилизации текста под аутентичное предание:

Огпол Инмар калыкъёслы шудбур Тылобурдо – / Воршуд – кузьмам но сое сак возьманы, утьыны косэм. / Удмуртъёс шумпотиллям. Воршудэз пеймыт Быдзым Куалае ватиллям – / мурт адземлэсь но син усёнлэсь утиллям. / Улыса-вылыса удмуртъёс шөдо: уг но си, уг но ю, / пашиме пеймытын Шудбур Тылобурдозы. / Учкиллям, учкиллям но Воршудэс югыт-сайкыт омыре лэзиллям. / Инмар йыркуръяськем удмуртъёслэн ваменэссылы но кошкем соос дорысь <...> [7, 134] ‘Однажды Инмар подарил людям Птицу Счастья – Воршуд – / и наказал крепко-накрепко стеречь её. / Обрадовались удмурты, спрятали Воршуд в темницу Быдзым Куа – Великое родовое святилище – / берегли от дурного глаза и чужого голоса. / Да только примечают удмурты: / не ест, не пьёт, чахнет в

темнице Птица Счастья, / и решили они выпустить её на волю. / Рассердился Инмар на непослушных удмуртов и ушёл от них <...>’ [7, 135].

Включая в ткань русскоязычных стихотворений удмуртские лексемы, поэт, как правило, использует наиболее знакомые и узнаваемые для регионального читателя слова. Эти лексемы переходят из одного произведения в другое, из одного сборника в другой, закрепляя в сознании читателя образ, который наполняется новыми смыслами. Тем самым происходит проникновение в языковое сознание носителей иноязычной культуры, понимание и переосмысление их мировоззрения. В отдельных случаях незнакомому для русскоязычного читателя слову поэт предлагает перевод, который становится дополнительным источником ярких, ассоциативных связей, с одной стороны, с другой – придаёт тексту национальный колорит. А используемые удмуртские слова, в которых присутствуют специфические графемы, «нечитабельные» для русскоязычного читателя передают этническое сознание автора: *Кытын адями – отын каръяське зольгыри. / <...> котькытын со шулдыр зылыртэ-чильккетэ* [7, 130] ‘Всюду, где живёт человек, селится воробей. / Мы, удмурты, называем его беззаботно весёлым именем – зольгыри’ [7, 131].

Этническое бывает проявлено и через другие культурно маркированные константы: территориальные (региональный) пометы: «моё Прикамье», «моя удмуртская деревня» [7, 73], Поволжье, Урал, Удмуртия [9, 82]; через финно-угорские образно-символические сюжеты (Калевала [9, 82]), иные сакральные сферы и базовые концепты традиционной культуры удмуртов как квинт-эссенция их идеального мироустройства и конструктор поэтического творчества (образы деревьев: рябина, берёза, ель, дуб, ольха и др.; формульные припевные слова: ойдо-ойдолэ; дом и семья). В этом контексте высказывание поэта: «Все важные слова на свете / Я отбираю, чтоб взять с собой всегда» – на наш взгляд, очень точно определяет особенность поэзии В. Владыкина.

Обсуждение и заключение

Знакомая с русскоязычными стихами В. Владыкина, читатель окунается в особый мир, основанный на этнически маркированных образах-представлениях, составляющих ядро мифологических воззрений удмуртского народа (душа-бабочка, священная книга, священной птица, священная река и др.). Многие стихотворения рассматриваемого автора представляют собой поэтическую обработку народных притч или стилизацию под аутентичное предание, что придаёт им особый эпический оттенок.

В творчестве В. Владыкина наблюдается тенденция сознательного обращения к корневым конструктам национальной культуры, чувствуется генетическая нить с народом. Автор, вплетая в ткань удмуртских и русских текстов архаику на уровне метафор, символов, хронотопа и др., ориентирован на реалистическое воспроизведение действительности, при этом особым и гармоничным образом соединяя философию фольклора, мифологии и философию

поэзии. В связи с этим большое значение приобретает изучение вопросов билингвизма в совокупности с проблемами ментальности и художественного этнографизма, позволяющими глубже понять этнохудожественные основы творчества писателя, его мироощущение. Всё это позволяет расширить представления о мире иной культуры, систему мироощущения и миропонимания народа, сложившееся в сознании русскоязычного читателя.

Список источников и литературы

1. Арзамазов А. А. Эволюция образной системы и лингвoseмантические трансформации в удмуртской поэзии (вторая половина 1970 – начало 2010-х гг.): дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2015. 569 с.
2. Арзамазов А. А. Владимир Владыкин: Большая Жизнь // Владыкин В. Е. Этнокультура личности: Себе – 80-летнему / отв. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск: Шелест, 2023. С. 3–10.
3. Атаманов М. Г. Микроэтнонимы удмуртов // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимике / отв. ред. В. К. Кельмаков. Ижевск: НИИ при Совете Министров УАССР, 1980. С. 3–66.
4. Атаманов-Эграпи М. Г. Песни и сказы ушедших эпох. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.
5. Афанасьев Н. Праздник «лебедей» у вотяков-язычников Мамадышского уезда // Известия РГО. 1881. Т. 17. Вып. 5. С. 281–286.
6. Булычёва Е. И. Мифопоэтика отечественной и европейской скульптуры XX–XXI веков: автореф. дис. ... докт. искусств. Саратов, 2022. 46 с.
7. Владыкин В. Е. Марлы кыръза тюрагай. Отчего поёт тюрагай. Ижевск: Удмуртия, 1980. 146 с.
8. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
9. Владыкин В. Е. Калыкын верало. В народе говорят. Ижевск: Удмуртия, 1998. 197 с.
10. Владыкин В. Е. Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и... Ижевск: Удмуртия, 2003. 400 с.
11. Владыкин В. Е. Монолог в диалогах. Ижевск: Удмуртия, 2013. 535 с.
12. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.
13. Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань: Тип. А. А. Коковиной, 1880. 190 с.
14. Имхелова С. С., Херел А. Х.-О. Мифопоэтическое содержание национальных образов в тувинской и бурятской драматургии // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 2. С. 30–36.
15. Колядич Т. М. Мифопоэтика повести Н. Способиной «Дар Кощея» // Наука и школа. 2024. № 5. С. 32–39.
16. Нуриева И. М. Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. 272 с.
17. Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. Вып. 2. 332 с.
18. Нуриева И. М., Пчеловодова И. В. Голоса птиц в языке и мифопоэтической традиции удмуртов // Традиционная культура. 2016. № 2 (62). С. 42–51.
19. Островский Д. Вотяки Казанской губернии // Труды общества естествоиспытателей при императорском Казанском университете. Казань: Тип.-лит. Императорского университета, 1873. Т. 4. № 1. С. 3–47.
20. Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV-й. Вятка: Губернский статистический комитет, 1889. С. 14–15.
21. Хабиров К. А. Приёмы формирования читательской грамотности на уроках родного русского языка // Libri Magistri. 2022. № 4 (22). С. 139–149.
22. Ходырева М. Г. Песни северных удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. Вып. 1. 120 с.
23. Худяков М. Г. Дорвыжы: Удмуртский героический эпос / ред. и коммент. В. М. Ванюшева и Д. А. Яшина; сост., предисловие, пер. на удм. яз. В. М. Ванюшева. Ижевск: Удмуртия, 2008. 140 с.
24. Шкляев А. Сердцем и мыслью // Владыкин В. Марлы кыръза тюрагай. Отчего поёт тюрагай. Ижевск: Удмуртия, 1980. С. 5–9.
25. Шкляев А. Г. Литературная мифа и мифы в литературе: о некоторых формах взаимоотношений литературы и мифа // Удмуртская мифология. Ижевск: [б. и.], 2004. С. 171–177.
26. Buch M. Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie. Helsingfors: Druckerrei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. 189 p.
27. Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Band: Finnisch-Ugrische Völker. 1 Abteilung: Wotjakische, syrjänische und permjakische Gesänge. Wien and Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1926. Pp. 1–99.
28. Munkácsi B. Wotják népköltészeti hagyományok. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 335 p.
29. Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 715 p.
30. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. 200 p.

References

1. Arzamazov A. A. *Evolyciya obraznoj sistemy i lingvosemanticheskie transformacii v udmurtskoj poezii (vtoraya polovina 1970 – nachalo 2010-h gg.)* [Evolution of the figurative system and linguistic semantic transformations in Udmurt poetry (the second half of 1970s – early 2010s)]. Izhevsk, 2015. 569 p. (In Russian)

2. Arzamazov A. A. *Vladimir Vladykin: Bol'shaya Zhizn'* [Vladimir Vladykin: Great Life]. *Etnokul'tura lichnosti: Sebe – 80-letnemu* [Ethnoculture of personality: To myself – at the age of eighty]. Izhevsk: Shelest Publ., 2023. Pp. 3–10. (In Russian)
3. Atamanov M. G. *Mikroetnonimy udmurtov* [Microethnonyms of the Udmurts]. *Mikroetnonimy udmurtov i ih otrazhenie v toponimike* [Microethnonyms of the Udmurts and their reflection in toponymy]. Izhevsk: NII pri Sovete Ministrov UASSR Publ., 1980. Pp. 3–66. (In Russian)
4. Atamanov-Egrapi M. G. *Pesni i skazy ushedshih epoh* [Songs and tales of bygone eras]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2005. 248 p. (In Russian)
5. Afanasyev N. *Prazdnik "lebedej" u votyakov-yazychnikov Mamadyshskogo uezda* [The feast of the "swans" of the pagan Votyak people of the Mamadyshsky District]. *Izvestiya RGO* [Proceedings of the Russian Geographical Society], 1881, no. 17 (5), pp. 281–286. (In Russian)
6. Bulycheva E. I. *Mifopojetika otechestvennoj i evropejskoj skul'ptury XX–XXI vekov* [Mythopoeitics of Russian and European sculpture of the XX–XXI centuries]. Saratov, 2022. 46 p. (In Russian)
7. Vladykin V. E. *Marly kyrža tyuragaj. Otchego poet tyuragaj* [Why Does the Tyurgay Sing]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1980. 146 p. (In Russian, Udmurt)
8. Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological worldview of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1994. 384 p. (In Russian)
9. Vladykin V. E. *Kalykyn veralo. V narode govoryat* [The People Say]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1998. 197 p. (In Russian, Udmurt)
10. Vladykin V. E. *Mon. O sebe i drugih, o narodah i Chelovekah, i...* [Me. About myself and others, about peoples and Humans, and...]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2003. 400 p. (In Russian)
11. Vladykin V. E. *Monolog v dialogah* [Monologue in dialogues]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2013. 535 p. (In Russian)
12. Vladykina T. G. *Udmurtskij fol'klornyj mirotekst: obraz, simbol, ritual* [Udmurt folklore worldview: image, symbol, ritual]. Izhevsk: MonPorazhyon Publ., 2018. 298 p. (In Russian)
13. Gavrilov B. *Proizvedeniya narodnoj slovesnosti, obryady i pover'ya votyakov Kazanskoj i Vyatskoj gubernij* [Works of folk literature, rituals and beliefs of the Votyaks of Kazan and Vyatka provinces]. Kazan: Tip. A. A. Kokovinoj Publ., 1880. 190 p. (In Russian, Udmurt)
14. Imichelova S. S., Kherel A. Kh.-O. *Mifopojeticheskoe sodержanie nacional'nyh obrazov v tuvinskoj i burjatskoj dramaturgii* [Mythopoeic content of national images in Tuvan and Buryat drama]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* [Bulletin of the Buryat State University. Philology], 2023, no. 2, pp. 30–36. (In Russian)
15. Kolyadich T. M. *Mifopojetika povesti N. Sposobinoj "Dar Koshheja"* [Mythopoeitics of N. Sposobina'a novel "The Koshchey's Gift"]. *Nauka i shkola* [Science and School], 2024, no. 5, pp. 32–39. (In Russian)
16. Nurieva I. M. *Muzyka v obryadovoj kul'ture zavjatskih udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i tradicionnogo myshleniya* [Music in the ceremonial culture of the Zavjat Udmurts: Problems of cultural context and traditional thinking]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN Publ., 1999. 272 p. (In Russian)
17. Nurieva I. M. *Pesni zavjatskih udmurtov* [Songs of the Zavjat Udmurts]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 2004. Vol. 2. 332 p. (In Russian)
18. Nurieva I. M., Pchelovodova I. V. *Golosa ptic v yazyke i mifopojeticheskoi tradicii udmurtov* [The voices of birds in the language and mythopoeic tradition of the Udmurts]. *Tradicionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2016, no. 2 (62), pp. 42–51. (In Russian)
19. Ostrovskij D. *Votyaki Kazanskoj gubernii* [The Votyaks of the Kazan province]. *Trudy obshchestva estestvoispytatelej pri imperatorskom Kazanskom universitete* [Proceedings of the Society of Natural Scientists at the Imperial Kazan University]. Kazan: Tip.-lit. Imperatorskogo universiteta Publ., 1873. Vol. 4 (1). Pp. 3–47. (In Russian)
20. Pervukhin N. *Eskizy predanij i byta inorodcev Glazovskogo uezda. Eskiz IV-j* [Essays of legends and everyday life of peoples of the Glazovsky District. Essay IV]. Vyatka: Gubernskij statisticheskij komitet Publ., 1889. Pp. 14–15. (In Russian)
21. Khabirov K. A. *Priemy formirovaniya chitatel'skoj gramotnosti na urokah rodnogo russkogo jazyka* [Methods of forming reader's literacy in the lessons of the native Russian language]. *Libri Magistri* [Libri Magistri], 2022, no. 4 (22), pp. 139–149. (In Russian)
22. Khodyreva M. G. *Pesni severnyh udmurtov* [Songs of the Northern Udmurts]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 1996. Vol. 1. 120 p. (In Russian)
23. Khudyakov M. G. *Dorvyzhy: Udmurtskij geroicheskij epos* [Dorvyzhy: Udmurt heroic epos]. Ed. V. M. Vanyusheva, D. A. Yashina; comp. V. M. Vanyusheva. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 2008. 140 p. (In Russian, Udmurt)
24. Shklyayev A. *Serdcem i mysl'yu* [With heart and thought]. *Marly kyrža tyuragaj. Otchego poet tyuragaj* [Why Does the Tyurgay Sing]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1980. Pp. 5–9. (In Russian)
25. Shklyayev A. G. *Literatura mifa i mify` v literature: o nekotoryh formax vzaimootnoshenij literatury` i mifa* [Literature of myth and myths in literature: about some forms of the relationship between literature and myth]. *Udmurtskaya mifologiya* [Udmurt Mythology]. Izhevsk: [w/p], 2004. Pp. 171–177. (In Russian)
26. Buch M. *Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie*. Helsingfors: Druckerrei der Finnischen Litteratur Gesellschaft, 1882. 189 p. (In German)
27. Lach R. *Gesänge russischer Kriegsgefangener. I Band: Finnisch-Ugrische Völker. I Abteilung: Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge*. Wien and Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1926. Pp. 1–99. (In German)
28. Munkácsi B. *Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken*. Aus dem Nachlasse von Bernhárd Munkácsi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 715 p. (In German)
29. Munkácsi B. *Wotják népköltészeti hagyományok*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 335 p. (In Hungarian)
30. Wichmann Y. *Wotjakische Sprachproben*. Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-Gesellschaft, 1893. Vol. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. 200 p. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Камитова Алевтина Васильевна, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (426067, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34), кандидат филологических наук.

akamitova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7119-1797

ABOUT THE AUTHOR

Kamitova Alevtina Vasilyevna, Senior Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426067, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, T. Baramzina St., 34), Candidate of Philological Sciences.

akamitova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7119-1797